

Православие и культ католического святого Андрея Боболи в XIX – начале XX в.¹

Короневский Виктор Ильич
Лаборант-исследователь
Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Менделеевская линия, д. 5, Санкт-Петербург, Российская
Федерация
E-mail: iliich2000@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5910-6799

Цитирование

Короневский В. И. Православие и культ католического святого Андрея Боболи в XIX – начале XX в. // *Славянский альманах*. 2024. № 3–4. С. 376–393. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.20

Финансирование

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 21-48-04402: «RSF-DFG: Святые и герои: От христианизации к национализму. Символ, Образ, Память (Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы)»).

Статья поступила в редакцию 09.10.2023.

Рецензирование завершено 15.06.2024.

Статья принята к публикации 24.09.2024.

Аннотация

Статья посвящена истории трансформации в течение XIX – начала XX в. отношения православного духовенства и публицистов к фигуре католического мученика Андрея Боболи – иезуита, убитого в середине XVII в. православными казаками. Показывается, что в первой половине указанного периода (до 1850-х гг.) почитание святого носило «трансконфессиональный»

¹ Некоторые положения статьи нашли отражение в публикации тезисов доклада, сделанного автором на конференции «The Church and Otherness», организованной Болгарской академией наук: *Koronevskii V. The Jesuit Martyr and his Orthodox Veneration: The Cult of St Andrew Bobola in the XIX century Polatsk // The Church and Otherness. Sofia, 2023. P. 255–265.*

характер. Некоторые представители образованных православных кругов: архиепископ Василий (Лужинский), епископ Даниил (Натток-Михайловский), К. А. Говорский – склонялись к правдивости зародившейся еще в XVIII в. в Пинске легенды, согласно которой святой был не иезуитом, убитым православными, а православным мучеником, убитым католиками. Рассматриваются причины, вызвавшие изменение отношения к Андрею Боболе в 1850-х – 1860-х гг. Прослеживается тенденция упадка доверия к легенде о «православном Боболе», результатом чего стала оценка православными его культа как инструмента в руках враждебных церкви и России сил. Раскрывается процесс формирования альтернативной православной версии жизнеописания Андрея Боболи, в рамках которого признается принадлежность святого к католицизму, однако сам он воспринимается как подобие св. Иосафата Кунцевича: «душехват», убийца и гонитель православия. Своими поступками, по мнению православных авторов, он заслужил трагический финал.

Ключевые слова

Андрей Боболя, православие, католицизм, святость, мученичество, беатификация, иезуиты, Полоцк, Пинск, Российская империя.

В истории исследования взаимоотношений православных и католиков на территории западных губерний Российской империи последние два десятилетия ознаменовались выходом ряда крупных работ. На различные аспекты этой проблемы, связанные с межконфессиональными конфликтами, массовыми обращениями из одной веры в другую или попытками бюрократии оказать влияние на религиозность местного населения, проливают свет труды М. Д. Долбилова², Д. Сталюнаса³, Б. Скиннер⁴ и ряда других историков. Значительно меньше внимания

2 Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера. Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010; Долбилов М. Д., Сталюнас Д. Обратная уния: из истории отношений между католицизмом и православием в Российской империи, 1840–1873. Вильнюс, 2010.

3 Сталюнас Д. Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. М., 2022.

4 Skinner B. The Western Front of the Eastern Church: Uniate and Orthodox Conflict in Eighteenth-century Poland, Ukraine, Belarus, and Russia. DeKalb, 2009.

уделяется исследователями существованию в условиях межконфессионального пограничья культов местных святых: как православных, так и католических. Авторы многочисленных статей, посвященных униатскому мученику Иосафату Кунцевичу⁵ или киевским святым⁶, как правило, ограничивают свои исследования концом XVII или первой половиной XVIII в., не касаясь эпохи разделов Речи Посполитой и, тем более, периода пребывания восточных территорий последней в составе Российской империи.

В течение последних десяти лет именно авторы, занимающиеся изучением истории взаимоотношений православия и католицизма обоих обрядов на землях Речи Посполитой, с разных сторон начали подходить к проблеме существования культов местных святых на стыке различных конфессий, представители каждой из которых считали этих угодников своими единоверцами и, апеллируя к ним, выстраивали такой взгляд на прошлое русской Церкви, который соответствовал их конфессиональным предпочтениям. Среди исследований, затрагивающих эту проблему, стоит выделить статью Н. А. Синкевич, в которой исследовательница показывает, как униатские и римо-католические авторы XVII – начала XVIII в. приспособили к своим нуждам изначально сугубо православные культы святых Владимира, Ольги, Антония и Феодосия Печерских, Виленских мучеников, Феодора Острожского, Евфросинии Полоцкой и ряда других святых, включая даже митрополитов Петра и Алексия⁷.

Следует вспомнить также работы А. А. Семянчук и К. Гудмантаса, посвященные исследованию образа Параскевы Полоцкой (культ которой, выражаясь словами Н. А. Синкевич, был «двойниковым»

⁵ *Родэвальд Ш.* Пра ўшанаванне Язафата Кунцэвіча ў XVII ст. // *Беларускі Гістарычны Агляд.* 2009. Т. 16. С. 345–372; *Fukushima C.* Uniate Martyr Josaphat and His Role as a Confessionalizing, Integrating, and Nationalizing Influence // *Entangled Interactions Between Religion and National Consciousness in Central and Eastern Europe.* Boston, 2020. P. 1–28; *Jobst K.* Transnational and Trans-Denominational Aspects of the Veneration of Josaphat Kuntsevych // *Journal of Ukrainian studies.* 2012. № 37. P. 1–17.

⁶ *Ткачук В. А.* Культы древнерусских святых в Киевской митрополии XVII – первой половины XVIII в. как инструмент исторической и политической легитимации // *Нарративы руси конца XV – середины XVIII в.: в поисках своей истории.* М., 2018. С. 384–408.

⁷ *Синкевич Н. А.* «Дивен Бог во святых своих»: культ святых в полемике «Руси с Русью» в Речи Посполитой // *Религия и Русь, XV–XVIII вв.* М., 2020. С. 312–340.

по отношению к культу св. Евфросинии) в литовских летописях XVI в.⁸ Хотя указанные авторы не стремятся исследовать непосредственно сам культ Параскевы, преимущественно рассматривая тексты, содержащие легенду о ней, их статьи представляют собой важный шаг на пути изучения традиции почитания этой своеобразной неканонизированной святой, фигура которой заслуживает отдельного исследования.

Отдельно отметим публикацию Д. Баронаса, вводящую в научный оборот неизвестную ранее базилианскую редакцию жития Виленских мучеников первой половины XVIII в., которая отражает греко-католический взгляд на фигуры этих святых⁹.

В целом, опубликованные на данный момент работы, прямо или косвенно касающиеся проблемы существования культов местных святых на стыке православия, римского католицизма и униатства в Речи Посполитой, посвящены периоду XVI – начала XVIII в., не затрагивая более позднюю эпоху. К тому же все они нацелены исключительно на изучение тех культов, которые изначально существовали как православные, и уже в дальнейшем были приспособлены к своим нуждам католиками – никак не наоборот. В этой статье мы попробуем рассмотреть сюжет, обратный по отношению к описанным выше, который имел место на тех же землях, но в более позднее время. Речь идет об отношении православного духовенства и интеллигенции к личности и культу св. Андрея Боболи в XIX – начале XX в.¹⁰

В соответствии с первым изданным в Речи Посполитой житием Боболи, написанным иезуитом А. Собежанским, его жизненный путь можно изложить следующим образом. Будущий святой родился в 1592 г. в Сандомире и уже в юном возрасте вступил в орден иезуитов.

8 *Semianchuk A.* Euphrosyne, Pradslava, Praxeda, Paraskeva in the Belarussian-Lithuanian Chronicles of the 16th Century // *Studia Białorutenistyczne*. 2020. № 14. P. 11–32; *Гудмантас К.* «Житие» Парасковии-Пракседы в литовских летописях // *Археология и история Литвы и Северо-Запада России в Средневековье: доклады российско-литовского семинара*, Вильнюс, 28–30 марта 2011 г. Вильнюс, 2013. С. 197–214.

9 *Baronas D.* Bazilijonų redakcijos Trijų Vilniaus kankinių kankinystės aprašymas iš metropolito Leono Kiškos rankraščio // *Bažnyčios istorijos studijos*. 2016. № 8. P. 193–205.

10 Исследование отношения российской бюрократии к культу Боболи было начато М. Д. Долбиловым: *Долбилов М. Д.* Русский край, чужая вера. С. 334–338.

Потрудившись в течение своей жизни в разных городах и местечках Речи Посполитой, в середине XVII в. он отправился проповедовать католицизм среди православных жителей Полесья. Хотя его проповедь вызывала неприязнь у части местного населения, она не была безуспешной, так что Андрея Боболю прозвали «Пинским апостолом» и «апостолом Полесья». В 1657 г. в районе Янова-Полесского он был схвачен отрядом православных казаков и умерщвлен¹¹.

После гибели проповедника его тело было перенесено в принадлежащий Обществу Иисуса костел св. Станислава в Пинске. В 1700 г., после того как Боболя, по сообщению одного из местных иезуитов, явился ему и назвал себя патроном Пинского иезуитского коллегия («*Ja będę Patronem Collegium Twego*»¹²), останки были выставлены для поклонения. С 1710-х гг. начинают фиксироваться многочисленные чудеса, причем помимо исцелений и спасений от природных катаклизмов Боболя, как утверждалось, помогал своим почитателям спастись из российского плена¹³.

Еще в первой половине XVIII в. была начата подготовка к официальному причислению иезуита к лику блаженных. В 1755 г. папа Бенедикт XIV своим декретом признал смерть Андрея Боболи мученичеством за веру¹⁴. И хотя в эпоху разделов Речи Посполитой подготовка к беатификации приостановилась, традиция почитания Боболи продолжала развиваться. Появлялись фрески с изображением свято-го¹⁵, издавались новые произведения о нем¹⁶.

На рубеже веков культ «апостола Полесья» пережил серьезное потрясение. Иезуитский костел, где находились его мощи, после вхождения Пинска в состав Российской империи был передан базилианам, а в 1800 г. – православным, превратившись в Богоявленскую церковь. Не желая терять одну из своих главных святынь на восточных

11 *Sobieszczanski A.* Apostoł Piński zarliwością zbawienia dusz ludzkich pałający to jest życie y śmierć świętobliwey pamięci w. x. Jędrzeia Boboli Societatis Jesu dla wiary katolickiey w Janowie od schyzmatyków Roku Pańskiego 1657 dnia 16 miesiąca maia zabitego. Sandomierz, 1745.

12 *Sobieszczanski A.* Apostoł Pinski... S. 75.

13 *Ibid.* S. 180–188.

14 *Wróblewski A.* Sodalis Marianus. Bł. Andrzej Boboła T. J. Umęczony za Wiarę D. 16 Maja 1657 R. Lwów, 1907. S. 43.

15 *Ibid.* S. 39.

16 *Epicum Carmen De Martyre Andrea Bobola Presbytero Societatis Jesu.* Wilno, 1792.

территориях бывшей Речи Посполитой, в 1807 г. орден иезуитов в лице своего генерала Т. Бжозовского обратился на имя Александра I с просьбой о разрешении перенести останки Андрея Боболи из Пинска в Полоцк, где позиции иезуитов на тот момент были более устойчивыми¹⁷. В Петербурге к этой инициативе отнеслись с осторожностью: Синод разрешил перенести тело «езуита Боболи» в полоцкий костел св. Стефана, однако «без всякой публичной процессии» и при условии его немедленного погребения на новом месте. Последнее условие так и не было выполнено, однако в 1808 г. мощи Боболи все-таки оказались на берегах Двины¹⁸.

Дни пребывания в ведении иезуитов костела св. Стефана, в котором теперь находилась реликвия, также были сочтены. В 1820 г. орден был вынужден покинуть Россию. Упомянутый храм достался в наследство пиарам, равно как и захороненное в нем тело Боболи. Однако спустя десять лет костел был отобран и у пиаров, вскоре превратившись в православный Свято-Николаевский собор, а реликвия, в свою очередь, в 1830 г. досталась полоцким доминиканцам. Еще в 1820 г., сразу после изгнания иезуитов, находившийся за границей вице-ректор бывшей Полоцкой иезуитской академии В. Жолондзь обратился к министру духовных дел и народного просвещения князю А. Н. Голицыну с просьбой о дозволении вывезти останки святого за границу, однако получил безапелляционный отказ¹⁹. В течение последующего столетия мощам Боболи суждено было пребывать в Полоцке, в местном доминиканском костеле.

Именно применительно к полоцкому периоду истории культа «апостола Полесья» мы располагаем наиболее ранними источниками о его восприятии православными. 14 февраля 1816 г. себежский протоиерей Стефан (Ляхина) отправил на имя Могилевского и Витебского архиепископа Даниила (Натток-Михайловского) донесение, в котором утверждал, что Боболя в Полоцке пользуется огромной популярностью у «православных простолюдинов, с великими дарами обратившихся к поклонению тому иезуитскому телу наравне со святыми угодников Божиих нетленными мощами», и, намекая, что останки

17 О значении культа Боболи для иезуитов в XVIII в. см.: *Mott F., Rai E. Martyrs and Missionaries: Strategies of Jesuit Sainthood between the Suppression and the Restoration // Journal of Jesuit Studies. 2022. № 9. P. 101–109.*

18 Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). Ф. 136. Оп. 1. Д. 2005. Л. 1–1об., 6об.

19 Там же. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 384. Л. 1–1об.

Боболи еще в 1808 г. должны были быть захоронены, просил епископа Даниила «к пресечению такового соблазна принять архипастырские меры»²⁰. Однако епископская резолюция на донесение Стефана содержала отказ предпринимать какие-либо действия по отношению к мощам Боболи. В качестве одного из аргументов Даниил писал, что он, «будучи за польского владения в Пинске, слышал от тамошних православных жителей, что прописанный Бобола был тамошней православной церкви благочестивым ктитorem и за недопущение им, Боболою, отобрать сию церковь на унию был езуитами умерщвлен: и когда тело умерщвленного оказалось неистлевающим, то оные езуиты облекли Боболу умершего в езуитские одежды и потом нарекли его езуитом, каким он, Бобола, никогда-де не бывал»²¹.

Таким образом, уже в 1816 г. в православной среде фиксируются два противоположных взгляда на личность Боболи и его почитание православными. Протоиерей Стефан доверяет традиционной католической точке зрения на биографию Боболи, называя его останки «иезуитским телом», хотя и относится к самому святому резко отрицательно. Он считает неприемлемым почитание иезуитских мощей православными обывателями и утверждает необходимость «принять меры к пресечению соблазна». В то же время архиепископ Даниил не считает классическую католическую версию жизнеописания Боболи заслуживающей доверия, полагая, что святой не только был приверженцем Православной церкви, но и принял муки, отстаивая православный храм от посягательств униатов. Версия о принадлежности Боболи к католицизму представлялась архиерею выдумкой иезуитов. Соответственно, он не считал необходимым предпринимать какие-либо меры против почитания предполагаемого православного мученика православным населением.

Позицию Даниила, по-видимому, разделяли и некоторые представители следующего поколения полоцких православных интеллектуалов: один из организаторов воссоединения униатов архиепископ Василий (Лужинский) и, вероятно, публицист К. А. Говорский, тоже выходец из греко-католических кругов, а на тот момент преподаватель Полоцкой духовной семинарии. Уже в 1864 г. в переписке с М. Н. Муравьевым архиепископ Василий, затронув вопрос о Боболе, вспоминал, как в начале 1850-х гг., когда до Полоцка дошли слухи

20 Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 262. Карт. 48. Д. 8. Л. 9об.

21 Там же. Л. 10об.

о скорой беатификации мученика, Говорский стал собирать сведения о нем. Наведя справки о святом, будущий издатель «Вестника Западной России» обнаружил классическую версию жизнеописания Боболи только в иезуитском календаре за 1740 г. и на основании этого квалифицировал ее как «очевидно вымышленную»²². Сам Василий тоже не склонен был принимать точку зрения иезуитов. Ссылаясь на рассказы униатского митрополита Иосафата (Булгак), он писал: «Андрей Боболий был русский православный священник Минской губернии в Пинском уезде, где и найдены его останки с неистлевшими еще поручами и епитрахилем на груди, золотой парчи, что верные тому доказательства имелись в архиве митрополичьем, на основании коих думали отобрать (так! – В. К.) от иезуитов сии останки, перевезенные уже в полоцкий иезуитский костел; но где ныне тот архив, мне неизвестно»²³.

Свидетельство Василия показывает, что даже в начале 1850-х гг. в среде полоцких православных взгляд на Боболю как на иезуитского мученика воспринимался со скепсисом, в то время как мнение о его принадлежности к Православной церкви, которое разделял еще епископ Даниил, считалось заслуживающим доверия. Более того, архиепископ упоминает о проекте изъятия мощей Боболи у католиков и их передачи православным, который, однако, не был реализован.

Таким образом, имеющиеся источники, несмотря на свою скудость, позволяют утверждать, что в первой половине XIX в. в среде православных (епископ Даниил) и симпатизировавших православию выходцев из униатской среды (архиепископ Василий, вероятно также К. А. Говорский и митрополит Иосафат (Булгак)) была распространена точка зрения на Андрея Боболю как на православного святого, культ которого был «присвоен» иезуитами. Несмотря на то, что упомянутые деятели, по всей видимости, были знакомы с традиционной «иезуитской» точкой зрения на личность Боболи, изложенной в житийных текстах, она не пользовалась их доверием. Противоположная версия тоже имела своих сторонников, вроде Стефана (Ляхины), бывшего в набат и призывавшего покончить с мощами Боболи, пагубно влиявшими на местное православное население. Однако она не пользовалась популярностью, оставаясь маргинальной.

22 Там же. Л. 18об.

23 Там же. Ф. 262. Карт. 48. Д. 8. Л. 19. Сам календарь см.: *Poszowski J. Kalendarz Jezuitki Większy na Rok przestępny MDCCXL*. Vilnae, 1740. Majus 16.

Тем не менее период 1850-х – 1860-х гг. внес свои коррективы в историю отношения православного духовенства и интеллигенции к личности Андрея Боболи и его культу. В 1853 г. состоялось официальное причисление иезуита-мученика к лику блаженных. Как и положено торжеству подобного рода, оно породило волну публикаций, посвященных беатифицируемому: в течение 1853–1855 гг. о жизни и смерти Андрея Боболи было написано немало текстов, по большей части польскоязычных²⁴. Издававшие свои произведения на территории Франции и австрийской Галиции, авторы жизнеописаний убитого православными казаками католического проповедника позволяли себе весьма резкие формулировки, развивая антиправославные коннотации, присущие агиографии Боболи еще со времен текста А. Собещанского, и дополняя их антироссийскими.

Так, В. Клейновский, издавший свое произведение в 1854 г. во Львове, писал о множестве польских мучеников, которые, подобно Боболе, в XVII в. приняли мученическую кончину «od dzikich barbarzyńców kozackich»²⁵. Другой характерный пример – изданная в 1853 г. в Париже «Pieśń na cześć Andreja Bobolego umęczonego za wiarę», в тексте которой Боболя, «Wierny Kościoła, wierny Syn Ojczyzny», интерпретируется как жертва диких орд казаков-«схизматиков», которых исторгла из себя Преисподняя²⁶.

На иллюстрациях, сопровождавших данные издания²⁷, убийцы блаженного изображались похожими не столько на казаков, сколько на нечто среднее между стереотипным «москвитом» (высокие боярские шапки, характерные посохи) и «басурманином» (восточные шлемы и изогнутые сабли, сорванный с Боболи и брошенный на землю крест). Вероятно, ориенталистские мотивы должны были вызвать у читателя жизнеописания блаженного иезуита яркие ассоциации с восточным «варварством». Нетрудно заметить, что для изображения убийц Боболи создавался обобщенный образ «дикого схизматика», который должен был ассоциироваться у потребителя данной продукции с современными ему подданными российского императора.

24 *Świętomian A. Dzieje błogosławionego ojca Andrzeja Boboli kapłana Towarzystwa Jezusowego za wiarę katolicką od schyzmatyków okrutnie zamęczonego 1657 roku. Paryż, 1854; Klejnowski W. Życie i męczeństwo Błogosławionego Jędrzeja Boboli Towarzystwa Jezusowego. Lwów, 1854; Żywot Błogosławionego Andrzeja Boboli S. J. w krótkiej treści podany. Kraków, 1853.*

25 *Klejnowski W. Życie i męczeństwo... S. 4.*

26 *Pieśń na cześć Andreja Bobolego umęczonego za wiarę. Paryż, 1853.*

27 *Żywot... S. 3.*

Негативной реакции православных на беатификацию способствовал также факт утверждения папой 23 мая в качестве дня памяти «апостола Полесья». Для полочан этот день уже являлся днем памяти главной местной православной святой – Евфросинии Полоцкой, чей культ местное духовенство во главе с Василием (Лужинским) активно развивало с 1830-ых гг. Выбор католиками именно 23 мая был интерпретирован православными как попытка сделать из традиции почитания беатифицированного иезуита конкурирующий по отношению к св. Евфросинии культ²⁸.

Проблема еще сильнее обострилась в середине 1860-х гг., после того как было подавлено Польское восстание 1863–1864 гг., а до России дошли известия о грядущем причислении Католической церкви к лику святых Иосафата Кунцевича. Последнее вызвало резко негативную реакцию со стороны ряда православных публицистов. В частности, М. О. Коялович, обличая антиправославный и антироссийский характер готовящейся канонизации католического святого, убитого «схизматиками»²⁹, обратил внимание и на фигуру Андрея Боболи, чья беатификация носила подобный характер³⁰.

Коялович не скрывал своего скептического отношения к биографии Боболи, утверждая, что «в народе Белоруссии существует предание, что не казаки замучили в Пинске какого-то иезуита Боболи, а латиняне замучили православного священника, что тело его зарыто было мучителями в каком-то болоте и что в позднейшее время латиняне выдали этого православного священника за своего мученика Боболи, похитив для этого, по одним известиям, тело православно-го мученика, а по другим – подделав для этого какой-то уцелевший труп». Тем не менее, в отличие от Василия (Лужинского) или Даниила (Натток-Михайловского), по отношению к культу святого публицист занял четкую позицию: вне зависимости от того, был ли Боболя в действительности «православным мучеником» или нет, для Кояловича он являлся инструментом в руках католиков, которые его «возвели

28 ОР РГБ. Ф. 262. Карт. 48. Д. 8. Л. 3–3об.

29 Коялович М. О. Ответ газете Le Monde, усиливающейся доказать, что наше русское мнение об Иосафате Кунцевиче не справедливо. СПб., 1865.

30 В историографии имела место спорная, но небезынтересная попытка выделить Кунцевича и Боболю (вместе с Афанасием Филипповичем) в единый «мученический архетип», характерный для эпохи и региона, см.: Ісіченко І. Мученицький архетип у життійному просторі Рутні // Київські полоністичні студії. 2012. Т. 19. С. 233–239.

в святые и прославляют теперь для смущения совести нашего православного народа». Автор заявил, что начался «новый поход их (католиков. – В. К.) против нас под предводительством Боболи», и призвал «бороться с этим святым»³¹.

Итак, после 1850-х – 1860-х гг. присущие образу «апостола Полься» антиправославные и антироссийские коннотации резко усилились, а он сам обрел официальный статус в рамках сонма католических святых. Являвшаяся реакцией на изменение статуса блаженного иезуита статья М. О. Кояловича, с одной стороны, содержала свойственный текстам первой половины XIX в. тезис о принадлежности мученика к Православной церкви. С другой стороны, она положила начало периоду борьбы православных публицистов и духовенства против популярности Андрея Боболи в православной среде.

В последней трети XIX в. сомнения в официальном католическом взгляде на конфессиональную принадлежность Боболи также разделялись некоторыми представителями православного духовенства и интеллигенции. Так, Савва (Тихомиров), Полоцкий епископ в 1866–1874 гг., в своих «Автобиографических записках» отмечал наличие «разных взаимно противоречащих сказаний о личности Боболи»³². В опубликованной в 1886 г. статье скепсис по отношению к жизнеописанию иезуитского мученика выразил витебский историк А. П. Сапунов. Он привел «предание», согласно которому «Андрей Боболя был православным или униатским священником в м. Яновичах» и «он принял мученическую смерть от иезуитов, имевших намерение обратить его в католицизм»³³. Последний отголосок версии о «православном Боболе» фиксируется в написанной в 1898 г. статье С. Короткова, посвященной св. Кириллу Туровскому. Публицистом упоминается некий православный «преп. Андрей, пресвитер Пинский», останками которого иезуиты будто бы завладели и, «обривши им бороду, выдали их за мощи иезуита Андрея Боболия»³⁴.

31 *Коялович М. О.* Сведения о почитании нового латинского мученика Андрея Боболи // Подольские епархиальные ведомости. 1865. № 5. С. 228–230.

32 *Савва (Тихомиров), архиепископ.* Хроника моей жизни. Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Сергиев Посад, 1901. Т. 3. С. 535.

33 *Сапунов А. П.* Андрей Боболя (Бобола, Боболий) и его «мощи» в Полоцке // Витебские губернские ведомости. 1886. № 78. С. 2–3.

34 *Коротков С.* Св. Кирилл, епископ Туровский // Минские епархиальные ведомости. 1898. № 10. С. 297.

В последние десятилетия XIX – начале XX в. силу набирала другая тенденция. Погружаясь в разоблачение культа святого и воспроизводя восходящие еще к Стефану (Ляхине) тезисы о негативном влиянии традиции почитания мощей иезуита на православных, публицисты рубежа столетий стали совершенно иначе, чем их предшественники, характеризовать саму личность Боболи. Так, в статье М. Волотовского, опубликованной в 1876 г., Боболя представлен как иезуитский проповедник, убитый за свои «бесчеловечные поступки с православными». Главным его злодеянием, которое, по мнению публициста, и привело к убийству Боболи взбунтовавшимся населением города Янова-Полесского, стало отравление местного православного мещанина Захария Кроба, а также его семьи³⁵. В дальнейшем этот сюжет неоднократно воспроизводился³⁶.

Нарратив, в рамках которого Боболя представлялся фанатичным беспринципным католиком, который был убит в результате восстания доведенного им до крайности православного населения, во многом повторял представления православных авторов об Иосафате Кунцевиче, который, согласно этой точке зрения, также был убит в результате вспышки народного гнева, вызванного его жестокостью. В одном из текстов, изданных в «Гродненских епархиальных ведомостях» в 1911 г., между двумя католическими мучениками проводится прямая параллель: Андрей Боболя называется «вторым Иосафатом Кунцевичем, гонителем православия в древлеправославном Русском Пинском Полесье». Более того, применительно к Боболе употребляется прозвище Иосафата Кунцевича «душехват»: «за то, что он, именно, хватал души православных для костела, как волк хватает овец, ворвавшись в стадо»³⁷.

Если с Иосафатом Кунцевичем Боболя в это время сближался, то другому святому, наоборот, противопоставлялся при помощи все

35 Волотовский М. Андрей Боболя // Русский мир. 1875. № 258. С. 1–2.

36 НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 47606. Л. 21; Правда об иезуите Андрее Боболие, мнимом святом католической церкви // Гродненские епархиальные ведомости. 1912. № 14–15. С. 167–169. Автор последней статьи утверждает, что М. Волотовский почерпнул сюжет об отравлении Кробов из некой «рукописи, писанной в XVII веке на местном наречии и найденной у одного из яновских мещан». На данный момент верифицировать факт существования указанной рукописи не представляется возможным.

37 Правда об иезуите Андрее Боболие, мнимом святом католической церкви // Гродненские епархиальные ведомости. 1911. № 9. С. 83.

того же образа волка-«душехвата». По мнению анонимного публициста, убитый католиками в 1648 г. православный мученик Афанасий Брестский «как “добрый пастырь” положил душу свою за введенные ему овцы, оберегая их от расхищения подобными Боболе “волками”, ложно-миссионерами». В то время как «выводимый же католическими властями во святые Андрей Боболя, как волк, врывается в чужое стадо и расхищает овец и за это и погибает, так же, как бывает и с волками, по делам своим получает должное, наглую смерть»³⁸.

Наиболее радикальную позицию по отношению к «апостолу Полесья» занял бывший директор Полоцкой военной гимназии А. П. Тыртов. Жестко критикуя А. П. Сапунова, считавшего культ Боболи безвредным для православия явлением и допускавшего истинность версии о принадлежности святого к православию, автор статьи «О мнимых мощах иезуита Андрея Боболи в Полоцке» заявлял, что тот «совращал» православных в католицизм при помощи «кнута и палки». Легенда о «православном мученике» объявлялась выдумкой Ираклия (Лисовского), униатского митрополита в 1806–1809 гг. Вывод А. П. Тыртова был однозначен: поклонение православных останкам иезуита следовало прекратить, предав мощи земле³⁹.

Таким образом, в течение всего XIX в. позиция православного духовенства и интеллигенции по отношению к личности иезуита-мученика, занимавшегося проповедью католицизма в среде «схизматиков», и его культу оставалась неоднозначной. Хотя уже в первой половине XIX в. была сформулирована точка зрения, согласно которой Андрей Боболя был иезуитом, убитым православными, а потому его почитание православными обывателями Полоцка было нежелательным, вплоть до 1850-х гг. более популярным был другой взгляд на святого. В соответствии с ним, при жизни мученик был верным сыном Православной церкви, замученным католиками, а почитание его останков, позже присвоенных иезуитами, вовсе не является чем-то неприемлемым для православного человека. Только события 1850-х – 1860-х гг., в ходе которых Боболя обрел черты антиправославного и антироссийского символа, привели к трансформации православного взгляда на святого и его культ. При этом изменение

38 Правда об иезуите Андрее Боболие, мнимом святом католической церкви // Гродненские епархиальные ведомости. 1910. № 48–49. С. 676.

39 Тыртов А. П. О мнимых мощах иезуита Андрея Боболя в Полоцке // Литовские епархиальные ведомости. 1893. № 1–2. С. 5; № 3. С. 21.

позиции православных публицистов и духовенства не было одномоментным: версия о «православном мученике» исчезает со страниц источников только на рубеже столетий. В итоге взгляд на культ Боболи как на угрозу для православия все-таки возобладал, а образ самого святого, сформировавшийся в конце XIX – начале XX в., оказался полной противоположностью тем представлениям, которые существовали до 1850-х гг. Отныне Андрей Боболя стал противопоставляться признанным православным мученикам вроде Афанасия Брестского, воспринимаясь не иначе как «второй Кунцевич», который «по своим делам получает должное, наглую смерть».

Источники и литература

Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ).

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ).

Волотовский М. Андрей Боболя // Русский мир. 1875. № 258. С. 1–2.

Гудмантас К. «Житие» Парасковии-Пракседы в литовских летописях // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в Средневековье: доклады российско-литовского семинара, Вильнюс, 28–30 марта 2011 г. Вильнюс: LII leidykla, 2013. С. 197–214.

Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера. Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 1000 с.

Долбилов М. Д., Сталюнас Д. Обратная уния: из истории отношений между католицизмом и православием в Российской империи, 1840–1873. Вильнюс: LII leidykla, 2010. 274 с.

Ісіченко І. Мученицький архетип у житійному просторі Руїни // Київські полоністичні студії. 2012. Т. 19. С. 233–239.

Коротков С. Св. Кирилл, епископ Туровский // Минские епархиальные ведомости. 1898. № 10. С. 294–300.

Коялович М. О. Ответ газете Le Monde, усиливающейся доказать, что наше русское мнение об Иосафате Кунцевиче не справедливо. СПб.: Военная типография, 1865. 19 с.

Коялович М. О. Сведения о почитании нового латинского мученика Андрея Боболи // Подольские епархиальные ведомости. 1865. № 5. С. 225–231.

Правда об иезуите Андрее Боболие, мнимом святом католической церкви // Гродненские епархиальные ведомости. 1910. № 48–49. С. 671–676; 1911. № 9. С. 82–92; 1912. № 14–15. С. 163–171.

Родэвальд Ш. Пра ўшанаванне Язафата Кунцэвіча ў XVII ст. // Беларускі Гістарычны Агляд. 2009. Т. 16. С. 345–372.

Савва (Тихомиров), архиепископ. Хроника моей жизни. Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Сергиев Посад: Типография Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1901. Т. 3. 814 с.

Сапунов А. П. Андрей Боболя (Бобола, Боболий) и его «мощи» в Полоцке // Витебские губернские ведомости. 1886. №78. С. 2–3.

Синкевич Н. А. «Дивен Бог во святых своих»: культ святых в полемике «Руси с Русью» в Речи Посполитой // Религия и Русь, XV–XVIII вв. М.: РОССПЭН, 2020. С. 312–340.

Сталюнас Д. Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 376 с.

Ткачук В. А. Культы древнерусских святых в Киевской митрополии XVII – первой половины XVIII в. как инструмент исторической и политической легитимации // Нарративы Руси конца XV – середины XVIII в.: в поисках своей истории. М.: РОССПЭН, 2018. С. 384–408.

Тыртов А. П. О мнимых мощах иезуита Андрея Боболя в Полоцке // Литовские епархиальные ведомости. 1893. № 1–2. С. 4–7; № 3. С. 20–21.

Baronas D. Bazilijonų redakcijos Trijų Vilniaus kankinių kankinystės aprašymas iš metropolito Leono Kiškos rankraščio // Bažnyčios istorijos studijos. 2016. № 8. P. 193–205.

Epicum Carmen De Martyre Andrea Bobola Presbytero Societatis Jesu. Wilno, 1792. 47 s.

Fukushima C. Uniate Martyr Josaphat and His Role as a Confessionalizing, Integrating, and Nationalizing Influence // Entangled Interactions Between Religion and National Consciousness in Central and Eastern Europe. Boston: Academic Studies Press, 2020. P. 1–28.

Jobst K. Transnational and Trans-Denominational Aspects of the Veneration of Josaphat Kuntsevych // Journal of Ukrainian studies. 2012. № 37. P. 1–17.

Klejnowski W. Życie i męczeństwo błogosławionego Jędrzeja Boboli Towarzystwa Jezusowego. Lwów: Drukarnia Zakładu Narodowego im. Ossolińskich, 1854. 83 s.

Motta F., Rai E. Martyrs and Missionaries: Strategies of Jesuit Sainthood between the Suppression and the Restoration // Journal of Jesuit Studies. 2022. № 9. P. 95–124.

Pieśń na cześć Andreja Bobolego umęczonego za wiarę. Paryż, 1853. 4 s.

Poszakovski J. Kalendarz Jezuicki Większy na Rok przestępny MDCCXL. Vilnae: Typis Sacrae Reg., 1740. 376 s.

Semianchuk A. Euphrosyne, Pradslava, Praxeda, Paraskeva in the Belarussian-Lithuanian Chronicles of the 16th Century // *Studia Białorutenistyczne*. 2020. № 14. P. 11–32.

Skinner B. The Western Front of the Eastern Church: Uniate and Orthodox Conflict in Eighteenth-century Poland, Ukraine, Belarus, and Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2009. 274 p.

Sobieszczanski A. Apostoł Pinski zarliwością zbawienia dusz ludzkich pałaiący to iest życie y śmierć świętobliwey pamięci w. x. Jędrzeia Boboli Societatis Jesu dla wiary katolickiey w Janowie od schyzmatyków Roku Páńskiego 1657 dnia 16 miesiąca maia zabitego. Sandomierz: Drukarnia J. K. M. Societatis Jesu, 1745. 220 s.

Świętomian A. Dzieje błogosławionego ojca Andrzeja Boboli kapłana Towarzystwa Jezusowego za wiarę katolicką od schyzmatyków okrutnie zamęczonego 1657 roku. Paryż: Księgarnia Sagnieri Bray, 1854. 226 s.

Wróblewski A. Sodalis Marianus. Bł. Andrzej Bobola T. J. Umęczony za Wiarę D. 16 Maja 1657 R. Lwów: Drukarnia «Polonia», 1907. 75 s.

Żywot Błogosławionego Andrzeja Boboli S. J. w krótkiej treści podany. Kraków: Wydawnictwo Dzieł Katolickich i Naukowych, 1853. 32 s.

References

Baronas, D. “Bazilijonų redakcijos Trijų Vilniaus kankinių kankinystės aprašymas iš metropolito Leono Kiškos rankraščio.” *Bažnyčios istorijos studijos*, 2016, No 8, pp. 193–205.

Dolbilov, M. D. *Russkii kraj, chuzhaia vera. Etnokonfessional'naiia politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, 1000 p.

Dolbilov, M. D., Staliunas, D. *Obratnaia uniiia: iz istorii otnoshenii mezhdu katolitsizmom i pravoslaviem v Rossiiskoi imperii, 1840–1873*. Vilnius: LII leidykla, 2010, 274 p.

Fukushima, C. “Uniate Martyr Josaphat and His Role as a Confessionalizing, Integrating, and Nationalizing Influence.” *Entangled Interactions Between Religion and National Consciousness in Central and Eastern Europe*. Boston: Academic Studies Press, 2020, pp. 1–28.

Gudmantas, K. “«Zhitiie» Paraskovii-Praksedy v litovskikh letopisiakh.” *Arkheologiiia i istoriia Litvy i Severo-Zapada Rossii v Srednevekov'e: doklady rossiisko-litovskogo seminara, Vil'nius, 28–30 marta 2011 g.* Vilnius: LII leidykla, 2013, pp. 197–214.

Isichenko, I. “Muchenyts'kyi arkhetyv u zhyttiinomu prostori Ruinyi.” *Kyiv's'ki polonistychni studii*, 2012, vol. 19, pp. 233–239.

Jobst, K. “Transnational and Trans-Denominational Aspects of the Veneration of Josaphat Kuntsevych.” *Journal of Ukrainian studies*, 2012, No 37, pp. 1–17.

Motta, F., Rai, E. “Martyrs and Missionaries: Strategies of Jesuit Sainthood between the Suppression and the Restoration.” *Journal of Jesuit Studies*, 2022, No 9, pp. 95–124.

Rodėvald, Sh. “Pra ūshanavanne Iazafata Kuntsėvicha ū XVII st.” *Belaruskі Hіstarychny Ahliad*, 2009, vol. 16, pp. 345–372.

Semianchuk, A. “Euphrosyne, Pradslava, Praxeda, Paraskeva in the Belarusian-Lithuanian Chronicles of the 16th Century.” *Studia Białorutenistyczne*, 2020, No 14, pp. 11–32.

Sinkevich, N. A. “«Дивен Бог во sviatykh svoikh»: kul't sviatykh v polemike “Rusi s Rus'iu” v Rechi Pospolitoi.” *Religiia i Rus', XV–XVIII vv.* Moscow: ROSSPEN, 2020, pp. 312–340.

Skinner, B. *The Western Front of the Eastern Church: Uniate and Orthodox Conflict in Eighteenth-century Poland, Ukraine, Belarus, and Russia*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2009. 274 p.

Staliunas, D. *Pol'sha ili Rus'? Litva v sostave Rossiiskoi imperii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022, 376 p.

Tkachuk, V. A. “Kul'ty drevnerusskikh sviatykh v Kievskoi mitropolii XVII – pervoi poloviny XVIII v. kak instrument istoricheskoi i politicheskoi legitimatsii.” *Narrativy Rusi kontsa XV – serediny XVIII v.: v poiskakh svoei istorii*. Moscow: ROSSPEN, 2018, pp. 384–408.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.20

V. I. Koronevskii

The Orthodoxy and the Cult of the Catholic Saint Andrew Bobola in the 19th – Beginning of the 20th Century

Viktor I. Koronevskii

Research assistant

St. Petersburg State University

199034, Mendeleyevskaya liniya 5, St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: iliich2000@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5910-6799

Citation

Koronevskii V. I. The Orthodoxy and the Cult of the Catholic Saint Andrew Bobola in the 19th – Beginning of the 20th Century // Slavic Almanac. 2024. No 3–4. P. 376–393 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-731.2024.3-4.20

Acknowledgements

This research was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation (project no. 21-48-04402: “RSF-DFG: Saints and Heroes: From Christianization to Nationalism. Symbol, Image, Memory (North-Western Russia, the Baltic States and Northern Europe)”).

Received: 09.10.2023.

Revised: 15.06.2024.

Accepted: 01.07.2024.

Abstract

The article is devoted to the history of changes in the attitude of Orthodox clergy and publicists to the figure of the Catholic martyr Andrew Bobola, a Jesuit killed in the middle of the 17th century by Orthodox Cossacks. It is shown that in the first half of this period (until the 1850s) the veneration of the saint had a transconfessional character. Some representatives of the educated Orthodox community (Archbishop Vasily (Luzhinsky), Bishop Daniel (Nattok-Mikhailovsky), K. A. Govorsky) were inclined to acknowledge the authenticity of the legend originating in Pinsk in the 18th century. According to it, the saint was not a Jesuit killed by the Orthodox, but an Orthodox martyr killed by Catholics. The reasons that caused changes in the attitude towards Andrew Bobola in the 1850s – 1860s are examined. There is a tendency towards declining trust in the legend of the “Orthodox Bobola”, which resulted in the identification of his cult by the Orthodox church as an instrument in the hands of forces hostile to the Church and Russia. The article demonstrates the process of formation of an alternative Orthodox version of the biography of Andrew Bobola, which acknowledges the saint’s affiliation with Catholicism, but perceives him as an analogue of St. Josaphat Kuntsevich. This implies the characteristics of a soul-grabber, a murderer and persecutor of Orthodoxy, who, in the opinion of Orthodox authors, deserved a tragic ending through his actions.

Keywords

Andrew Bobola, Orthodoxy, Catholicism, sanctity, martyrdom, beatification, the Jesuits, Polotsk, Pinsk, the Russian Empire.